

1. Слово «Украина»

Русское слово «украина» (польское *isgata*) означает «пограничная земля» (по-итальянски *paese di confine*); русское прилагательное «*ucrainij*» означает «то, что лежит у края, близ грани» (*presso il bordo*; *presso* — у, *bordo* — край). Очень знаменательно это значение слова, ибо ясно: то, что именуется Украиной, не есть нечто самостоятельное; такое название может быть дано известной местности лишь извне, правительством или народом, рассматривавшим эту местность как некий придаток к своему государству. И действительно для Литвы киевские земли стали украиной (южной) со времени завоевания их ею в конце XIV века; для Польши — украиной (восточной) со времени объединения Литвы и Польши во второй половине XVI века; для Московской Руси — украиной (юго-западной) со времени присоединения Малороссии в середине XVII века. Вряд ли наименование Украина найдется в памятниках ранее конца XIV века. У Московской Руси были и другие украины — те земли, которые лежали у границы донской и ниже-волжской степи, занятой татарскими кочевьями. Граница эта (насколько вообще можно говорить о степной границе в XIV—XVII веках) постепенно, ценой тяжких столетних усилий, подвигалась на юг; соответственно менялись и земли, к которым прилагалось название украинских(1). Заметим, что прилагательное «украинный» применяется вовсе не только к Южной России: классический «Толковый словарь русского языка» Даля (издание 1865 г.), объясняя это слово, приводит такие примеры: «Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место украинное»(2).

Ввиду такого значения слова «украина» применение его к пространству теперешней Южной России, когда дело идет о далекой старине, о X или XIII веке, является крупной ошибкой. Это имя тогда к этим землям не прилагалось и прилагаться не могло, ибо значение его совершенно не подходит к тогдашней исторической их роли: они не были окраиной, здесь лежал государственный центр, самое ядро государства.

1. Читаем в Новгородской летописи под 1517 г: «По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на великого князя украйну около города **Тулы...** без пути начаша воевати». В 1580 году вследствие тревожных известий государь распределяет, «как быть воеводам к людям на берегу [то есть по Оке] по украинским городам от крымские украйны и от литовской» (Древняя российская вивлиофика. XIV. 368). В 1625 году из Валуек (на

юге

нынешней

Воронежской

губернии) пишут, что чают «приходу татар на наши украйны»: об этой опасности царская грамота тотчас же сообщает воронежским воеводам (Книги разрядные. 1. 1063. 1106. 1133; Воронежские акты. 1851. 1. 120). Подчеркнутые имена дают представление о постепенном продвижении московской границы за эту сотню лет на юг. Подобные цитаты можно было бы привести в изобилии.

2. Во сибирской во украйне.

Во даурской стороне... — начинается народная песня про реку Амур, то есть песня, сложившаяся не ранее конца XVII века.

2. Русские княжества, не Украина

Государство, о котором речь, было не какая-то мифическая *Rutenia* или Украина, а то русское Киевское княжество, которое было колыбелью русского народа и русской государственности. Здесь, на реке Днепре, на единственном для тех времен торговом пути из Балтийского моря в Царьград, в конце IX века зародилась сила, начавшая оружием и торговлей объединять славянские племена, которые жили в лесах и полях бассейна Днепра. Киевский летописец монах Нестор (в середине XI века) перечисляет имена этих племен; могу заверить читателя, что ни украинцев, ни рутенов в списке не значится — по той простой причине, что первых тогда не существовало, а небольшое славянское племя, коему венгры давали название рутенов, жило за Карпатами, в семистах километрах. О князе Рюрике нет других сведений, кроме как в русских летописях, но о его сыне, князе Игоре, имеется свидетельство бесспорное: в 944 году между этим русским князем и императором византийским Романом Лакапином заключен торговый договор; тщетно вы искали бы в его тексте намек на каких-то украинцев или рутенов, но зато в нем встречаются выражения «русь» (в смысле племени), «русин», «страна русская», «великий князь русский»(1). Точно так же когда в 988 г. при внуке Игоря, святом князе Владимире, крестилось киевское население, то это событие известно в древних памятниках под именем крещения не кого-либо иного, а «крещения Руси». Когда при мудром сыне его, князе Ярославе I (1019—1054), создавался в Ключеве первый законодательный кодекс, то он назывался не иным каким-либо именем, а Русской Правдой. Дочь Ярослава I, вышедшая за Генриха I, короля Франции, известна во французской истории под именем *Apple de Russie*. Каждый школьник в России знает, что на съезде князей в 1103 г. внук этого Ярослава, Владимир Мономах, убеждает своего двоюродного брата «промыслить о Русской земле» и соединиться с ним против азиатского племени половцев; тот согласился. «Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле», — сказал Мономах в ответ на согласие. Ясно, что живо уже было сознание, что земли племен днепровского бассейна составляли нечто целое — Русскую землю.

Этот термин — «Русская земля» — был уже в XI веке общепринятым стереотипным выражением и в летописи, и в иных литературных памятниках. Так, великий князь киевский «думал и гадал о Русской земле», дело князей «блюсти Русскую землю и иметь рать с погаными»; если кто ослушается нашего решения, говорит съезд князей (1097 г.), то «да будет на него крест честной и вся земля Русская»; такой-то «голову сложил за землю Русскую»; митрополит Киевский титулуется «митрополитом всея Руси» и т. д. В 1006 г. немецкий миссионер Бруно гостил у святого князя Владимира; в письме к императору Генриху II Бруно называет Владимира «*Senior Ruzorum*». Все эти выражения относятся к XI и XII вв. Но если так говорят источники, то каким образом, спросите вы, находятся люди, отрицающие принадлежность киевской древности русскому народу? Партийная логика, как известно, имеет мало общего с нормальным человеческим мышлением, а бумага, по русскому речению, «все терпит», особенно когда она служит для политической анонимной пропаганды, да еще в такое бурное время, как наше. У украинофильской партии есть свой историк — г-н Грушевский, хорошо знакомый с

фактами киевского периода. Как же поступает он? А очень просто: в его книге(2) слово «русский», когда дело идет об определенном историческом событии или элементе, остается на месте; но наряду с этим он позволяет себе обобщать все русские явления и факты, происходившие в географических пределах позднейшей Малороссии, путем совершенно произвольного применения к ним имен, которых в те века не существовало, и имен «Украина» и «украинский». Слагаемые и множители — русские, а сумма и произведение — украинские. Не своеобразная ли арифметика?

Вот пример. В Киеве не было своей определенной линии князей; как будет видно ниже, киевский престол «добывали» себе князья разных линий Рюрикова потомства — члены единой, если можно так выразиться, всероссийской семьи. Но какое же это древнее государство, если у него нет своей династии? Как же быть? Опять очень просто. Берется родословная Рюриковичей до XIV в., выкидываются из нее те линии, которые в дальнейшем приобрели характер местных в других частях России, и над родословной ставится заглавие: «Родословие украинских князей киевской династии»! Когда-то я особенно интересовался родословием Рюриковичей, был хорошо знаком с обширной и серьезной литературой вопроса и мог бы назвать княжества XIV и XV в. столь мелкую, что о них ничего, кроме имени, географического положения и родословия их князей, не известно(3); знакомы мне и названия тех «великих княжеств», «земель», «уделов», «волостей» и «отчин», кои обобщали раздробленные частицы русской земли. Но одного я не встретил ни в одном из десятков томов, мною просмотренных, — «украинского княжества» и «украинской» линии князей. Мне остается только поблагодарить г-на Грушевского за его «научное» открытие, пополнившее мои генеалогические познания.

Блестяще начиналось русское государство. Семья Рюриковичей, глава которой сидел на киевском престоле, правила в XI и XII вв. на севере Новгородской земли, на востоке Ростовской(4), на юго-востоке — русской колонией, Тмутораканским княжеством (у Азовского моря)(5), на западе — княжеством Галицким(6). Значит, земля русская обнимала тогда не только западную четверть новорожденной ныне германской Украины, но и немалую часть остальной России. Россия жила тогда в общении с остальной Европой. Разделение Церквей (1054 г.) еще не нарушило этой связи, монгольское иго еще не порвало ее. Как на признак этой связи укажу, что Ярослав I был женат на шведской принцессе, сестра его была за королем Польским, сын был женат на сестре короля Польского(7); три дочери его — королевы: Норвежская, Французская и Венгерская; внук женат на дочери короля Гарольда Английского. Киев, «мать городов русских», удивлял иноземцев богатством и культурой своей; одних церквей в нем было до 400; были монастыри, школы, была каменная крепость; Адам Бременский называет Киев соперником Константинополя...

Не странно ли спорить о том, как звалось такое государство, точно дело идет о

полудикой орде кочевников, и придумывать ему небывалые имена Украины или Рутении!

1. В более древнем договоре князя Олега с греками (911 г.) также говорится: «род русский», «русь», «князья русские», «закон русский», «русин», «русская земля».

2. Михайло Грушевський. Ілюстрована історія України. Київ — Львів, 1913.

3. Чтобы не быть голословным, перечислим для примера подразделения Черниговского княжества. При внуках святого князя Михаила Черниговского, замученного в 1246 г. татарами за отказ поклониться идолам, то есть с конца XIII в., Черниговское княжество делится на уделы: брянский, глуховский, карачевский, тарусский, оболенский, мышанский, конинский и волконский; в XIV в. выделяются еще уделы новосильский, одоевский, воротынский. Тамошние князьки, по теории г-на Грушевского, являются «украинцами» (см. карту на с. 107 его «Истории»): но одни из них передают сами свои уделы великому князю московскому, уделы других силой вещей поглощаются Москвой же; многочисленное потомство их переходит в XV и XVI вв. в Москву, где вливается в класс служилых людей. (Одни линии этих черниговских Рюриковичей сохранили свои территориальные названия в виде фамилий, другие приняли личное прозвище какого-либо из своих предков, например Барятинские, Горчаковы, Долгоруковы, Репнины, Щербатовы и пр.)

4. Ростов (северный) — город на одном из правых притоков верхней Волги: был с древнейших времен русской истории центром обширной области, которая в последующие века заняла все пространство между верхней Волгой и рекой Окой. Область эта — географический центр позднейшей Европейской России — дает начало главнейшим русским рекам (Волга, Западная Двина, Днепр) и самой природой предназначена была стать также и политическим ее средоточием. Областной центр из Ростова постепенно переносился на юг — в Суздаль (первая половина XII в.), Владимир (вторая половина XII в.) и, наконец, в Москву (XIV в.). Эту область, делившуюся на многие княжества, и принято называть в период до возвышения Москвы общим именем Ростово-Суздальской

земли.

5. Тмутораканское княжество было расположено, вероятно, на Таманском полуострове, просуществовало недолго.

6. Галицкая Русь (восточная часть нынешней Галиции) входила в состав русского государства с Владимира Святого. С конца XI в. в ней обособляется одна из линий Рюриковичей; столица их в Галиче. Расцвет княжества при князе Данииле (1249—1264 гг.), получившем от папы титул короля; он перенес столицу в Холм. Последний независимый галицкий князь, Юрий II, умер в 1340 г. С 1349 г. (а окончательно — с 1367 г.) княжество завоевано Польшей: оставалось под ее господством до 1773 г., когда после второго раздела Галиция была присоединена к Австрии.

7. Другой сын женат на дочери византийского императора (мать Владимира Мономаха).

3. Слово «Рутения»

«Столицей «Рутении» Южной (!), — читаем мы в одной из итальянских газет, — был тысячу лет тому назад Киев. В X и XI вв. Рутения представляла собой сильное государство...» Не только в X в., но даже и в XX имя «Рутения» в России неизвестно: вы его не найдете — как не найдете и слова «рутен» ни в вышеприведенном словаре Даля, ни в сорока томах «Русской энциклопедии» (1902 г.), ни в двадцати девяти томах «Русской истории с древнейших времен» Соловьева(1).

Термин «ruteni» встречается впервые у Цезаря; он обозначает им гальское племя, жившее на юге нынешней Auvergne; память о нем сохранялась долго в таких названиях, как «Augusta Rutenorum»; племя это, очевидно, никакого отношения к славянам не имеет,

это лишь случайное созвучие(2).

В Венгрии при династии Арпада (997—1301 гг.) именем *ruteni* обозначали славянское племя, жившее (и ныне живущее) под южными склонами Карпат, то самое, которое в мае 1915 г. уже видело (увы, на короткое время) авангарды русской армии, спускавшиеся для его освобождения. В подобных случаях, то есть в применении к славянским племенам, слово *ruteni* (*rutheni*) есть не что иное, как искаженное русское слово русин, которое встречается в древних русских памятниках, хотя и редко, но одинаково как в киевских (см. выше о договорах X в. с греками), так и в новгородских (например, в договоре с немцами 1195 года); в этих памятниках слово русин никакого особенного племенного значения не имеет, оно является синонимом слова «русский» (русский или русин, множественное число — русские, собирательное — русь).

В средние века термин *ruteni* (или *rutheni*) появляется у летописцев (впервые у польского летописца XI—XII вв. *Maitinus Gallus*) в весьма неопределенном значении; датский историк *Saxo Grammaticus* (1203 г.) применяет его для обозначения прибалтийских славян-христиан в отличие от их соплеменников-язычников; встречается оно и как средневековое латинское название русских вообще(3). Позднейшие, более сведущие в русских делах писатели избегают его. Так, известный Герберштейн, императорский посол в Москве в 1517 г., рассуждая на первой странице своих «Записок» о происхождении слова «русский», упоминает, что по-немецки русских называют «*Reissen*», на латинском языке — «*rutheni*», но далее нигде уже этого слова не употребляет(4). Не упоминает его и *Paolo Gioiò* из Комо, писавший о России в 1525 г. И в самом деле, зачем возобновлять отжившие неясные названия? Не станем же мы называть Китай *Cathayum*, Балтийское море — Варяжским и искать в России Птоломеевы Рифийские горы? К тому же имя «*rutheni*» имеет то неудобство, что обозначает и вероисповедное, и народное начало.

Племя *rutenorum* в Венгрии в силу своего географического положения было первым, среди которого была введена церковная уния (XIII в.). Церковный латинский язык усвоил имя «*ruthenus*» для обозначения униатского обряда с богослужением на славянском языке(5) также и среди других соседних славянских племен и переносил этот термин все далее на восток — в Галицию, Польшу и Малороссию. Это не удивительно: Церковь консервативна в своем языке, а цели ее выше племенных различий.

Иное значение приобрел этот термин в устах австрийского правительства: он стал с середины прошлого столетия средством порвать у русских галичан сознание родства с русским народом, жившим под скипетром русского императора: там — русские, а вы,

мол, рутены. Произвольная номенклатура племен, введение той или иной азбуки, изменение правописания(6) — все это излюбленные австрийским правительством средства политической борьбы.

Для определения личности племени важно не то, как его называл иноплеменный летописец, узнавший о его существовании, быть может, впервые из списка своего предшественника, не то вообще, как его именуют другие народы, а то, как он называет себя сам. По австрийской терминологии, все славянские племена (кроме польского народа и словаков), живущие в Галиции, Буковине и северо-восточной Венгрии (всего около пяти миллионов), называются Rutenen, но сами они себя называют: в Галиции — русскими или русинами, в Буковине — русинами, русскими и малороссами, в Венгрии — русскими, малороссами и русняками. Национальное сознание этих племен старательно забивалось; немногочисленный культурный класс до последнего времени систематически онемечивался или ополячивался; не мудрено поэтому, что общего названия для них не создано, все же наиболее распространенное название «русин» и «русский»(7) — факт, для австрийского правительства не из приятных: и, конечно, не из преданности к средневековому схоластическому языку предпочло оно закрепить за этими племенами, как обобщающее название, имя «ruteni»(8).

С конца прошлого века в австро-германских планах стала рисоваться заманчивая картина отделения Южной России от остальной: тогда изменилась и правительственная пропаганда: «Там, за границей, у Киева не русские, а такие же ruteni, как и вы сами». Что сходство между населением по обе стороны границы иногда приближается к тождеству — это верно, но чтобы в Южной России жили «рутены» — это выдумка: скажите это слово в Черниговской или Полтавской губернии — вас не поймут; не поймут, о чем вы говорите: о растении, животном или минерале. На Украло крестьянин называет себя малороссом, хохлом или русским; слова «рутен» не существует(9). А теперь вдруг оказывается, что и древней Киевской Руси никогда не бывало — даже тысячу лет назад была только Ruthenia! Так искажается история, когда это полезно австро-германским политикам.

1. В «Русской энциклопедии» слово «рутен» упомянуто в статье «Русин» в качестве его

перевода или, точнее, его иностранного искажения.

2. В «Catholic Encyclopedia» в статье «Ruthenians» названия вроде *Augusta Rutenorum* объясняются поселением в южной Франции славян, взятых в плен Аэцием при поражении гуннов в битве при Шалоне (451 г.). Нет ни малейшего основания прибегать к такому сложному объяснению при наличии семикратного упоминания в «De Bello Gallico» о галлах-рутенах. В указанной статье вообще чувствуется влияние украинофильской пропаганды; нельзя не пожалеть о такой неосмотрительности в серьезном издании.

3. Как увидим ниже, не менее обычным нашим названием и по-латыни было: *russi, Russia*.

4. На карте базельского издания его «Записок» (1556 г.) верхнее течение Западной Двины обозначено «*Dvina ruthenica*», нижнее течение — «*Dvina germanica*», но и Волга тоже названа «*Volga nithenica*».

5. Строго говоря, отдельного *ritus ruthenus* не существует, а есть изменения, внесенные прикарпатскими и галицийскимн народностями и польским латинским духовенством в византийский обряд.

6. В Галиции введено фонетическое правописание: из русской азбуки выбросили три буквы и прибавили две новые — разница в целых пять букв: чего же лучше! Этим именно искусственным «украинским языком» написана «История Украины» Грушевского, который всемерно стремится сделать его отличным от русского. Цели своей он не достигает: культурный русский человек, преодолев с некоторым усилием первые две-три страницы, читает книгу потом свободно. Зато не понимает «украинского языка» простолюдин-малоросс: по словам проехавшей на днях через Рим русской делегации, насильственное его введение в официальную переписку вызвало в Украине весьма сильное неудовольствие.

7. Вот подразделение русин (по-немецки *Russinen* и *Ruthenen*). В Галиции (в восточной ее части, за рекой Сан): **покутяне** (округа городов Кут и Коломыя), **гуцулы** (Коломыя, Станиславов, Косов),
подоляне
(к северу от Днестра),

бойки,

сами называющие себя

горянами

(округ

Стрия),

лемки.

сами называющие себя

русняками;

все они говорят на том же наречии, подразделяющемся на 4 говора: подольский, гуцульский, бойковский и лемковский. В Буковине (в северной и северо-западной ее части, в округах Коцманском. Черновском. Выжницком и Серетском):

подоляне

или

поляне и гуцулы

(в

горах

Западной Буковины).

В Венгрии

(около 400 000 человек по южным склонам Карпат в северо-восточной части ее, в комитатах Шаритском, Ужгородском. Бережском. Угочском и Мармарошском):

верховницы

или

горешане

— в горах:

долиняне

или

дольшане,

они же

влахи (блахи)

— в долинах:

спишаки

или

крайняне

— ославяненные румыны: значительная часть этого населения вышла из северной малороссийской части России (из Черниговской и смежных губерний) («Русская энциклопедия»).

8. Эти *ruteni (russini)*. кон за последние два года переименованы в украинцев. не что иное, как *russi irredenti* (подлежащие освобождению русские). Они 530 лет под иностранным владычеством и действительно «угнетенный народ». О дальнейшей судьбе его, с точки зрения вильсоновских принципов, не может быть двух мнений: войдя в орбиту русского народа, он должен разделить политическую судьбу его малороссийской ветви. Работу украинских комитетов в Северной Америке в этом смысле мы можем только приветствовать.

9. Слово «русин» в пределах Российской империи поймут лишь в непосредственном соседстве с Австрией — в западной части Волынской губернии, в Холмской губернии и в Хотинском уезде Бессарабской губернии, где действительно «говорят русинским говором малороссийского наречия» («Русская энциклопедия»).

4. Слово «Россия»

Мы рассмотрели два паспорта, изготовленные за последние 20-30 лет для Руси киевского периода при благосклонном содействии австрийского правительства; читатель, конечно, убедился в их подложности. Скажем теперь несколько слов о паспорте законном.

«Русь», «русские» — вот единственное название, обобщающее племена и земли древней России. Слово «русь» имеет два значения: первоначальное — племенное, позднее — территориальное. По известию киевского летописца, «русью» называлось то варяжское (скандинавское) племя, из которого были призваны Рюриковичи(1); Соловьев вполне логично предполагает, что оно играло роль на пути «из варяг в греки» задолго до призвания князей. Территориальное название «Русь» применялось двояко: в смысле, обобщающем все русские земли («митрополит Киевский и всея Руси»), и в более тесном — для обозначения собственно Киевского княжества (XII в.): постепенно название стало распространяться и на другие земли (на Чернигов, Волынь, Новгород(2), Галич и др. Новгородская волость «старейшая во всей Русской земле», записано в летописи 1206 г. Великий князь литовский Гедимин (1316-1341гг.) титулуется в Вильне «великим князем литовским, жмудским и русским»(3). Северо-восточная Русь другого обобщающего

названия, кроме «Русь» и «Россия»(4), не имела: по-русски слова «moscoviti» не существует(5); оно создано на Западе, когда могущество московского великого князя заслонило собой от иностранных взоров остальную Россию(6).

Чтобы покончить с номенклатурой, привожу в примечании ряд латинских цитат, свидетельствующих, что и на этом языке во все века говорилось *Russia, russi*(7). Как и слово «*ruteni*», названия эти применялись безразлично и к Южной России (например, к Галиции), и к Северной (например, к Новгороду)(8), и к Русско-Литовскому государству(9).

Из этих цитат обращает на себя внимание грамота Юрия II Галицкого: она свидетельствует, что в последние годы существования Галицкого княжества, когда верхи его населения вполне уже были захвачены западной культурой, официальное название его было не *Ruthenia*, а *Russia*. Это к тому же первое упоминание слова «Малороссия» в документах(10). От слова «Малороссия» (а не от мнимого «малого роста») произошло название «малороссы», которое было обычным названием населения Украины вплоть до 1917 года, когда ему навязали имя украинцев; чтобы изгнать из самого имени свидетельство о единстве русского народа. Слово «украинец» хотя и существовало (кажется, с прошлого века), но произносилось так редко, что, когда в 1917 году его ввели в употребление, мы, русские (в том числе и малороссы), спрашивали друг друга, где в нем ставить ударение(11).

С той же целью изгнания из имени указания на единство русского народа появилось в последние дни в газетах Запада для обозначения белорусов дикое название: «*les ruthenes blancs*», «*ruteni bianchi*».

Русские люди! Неужели не щемит вам сердце от стыда, слыша, как вам дают какие-то клички, видя, как среди вас находятся готовые рабски их повторять? Не дорожит своим именем лишь не помнящий родства, если он к тому же лишен сознания личного достоинства. Для человека перемена имени — это часто признак потери гражданских прав. Не страшный ли это признак и для народа?

Когда-нибудь будут напечатаны данные опросов наших солдат, прошедших через австро-германский плен; тогда русское общество узнает, как в специальных школах пропаганды наши враги прививали десяткам тысяч (!) наших темных «малых сих» мысль, будто они не русские, а отдельный украинский народ, не белорусы, а рутены, и как с

истинно дьявольским искусством и сатанинской злобой внедряли в их души ненависть к братьям и к матери-родине. Цель врагов ясна, но каково должно быть партийное ослепление, чтобы спешить навстречу их желанию раздробить Россию и тем обеспечить порабощение германцами и Великой, и Малой, и Белой ее части!

Обобщим сказанное о древнем периоде. Мы почти воздержались от личного мнения; за нас говорили цитаты документов. Голоса этих ветхих бесстрастных свидетелей дают по нашему вопросу ответ вполне определенный, а именно:

1) страна, заселенная русским народом от Карпат до Белого моря и Суздаля, от Новгорода до Ключева, была не чем иным, а Россией;

2) народ, населявший эту страну, называл себя сам русским, одинаково и в Галиции, и в Новгороде, а землю свою называл Русью,

3) иноземцы называли Россию «Russia», а — русских «russi»; но применяли также и искаженные названия: «Rutenia», «ruteni». В применении этих четырех имен иностранцы никакого различия между севером и югом России не делали: и киевские, и новгородские русские одинаково назывались то «russi», то «ruteni»;

4) наконец, имени «Украина» и в помине нет ни в дотатарский период, ни 150 лет позже; название украинец родилось еще несколькими веками позднее.

Не ясно ли, что стремление украинофильцев использовать различие имен (russi и ruteni) в том смысле, будто на севере Руси жил иной народ, чем на юге ее, ничего общего с исторической правдой не имеет. Утверждение о существовании киевской Rutenia как государства, отличного от России, или о существовании Украины в дотатарский период есть не более как беззастенчивая политическая мистификация, ведомая в расчете на малое знакомство иностранного общества с древней русской историей и с русским языком.

В вопросе названий мы вышли за поставленную себе хронологическую границу.

Вернемся к Киевской Руси.

1. *Украинофильская теория, очевидно, не может мириться с фактом призвания князей: «русь» для нее должна быть племенем «украинским» и слово «русь» должно родиться (как и династия Рюриковичей) на «Украине». Дело легко поправимо: показание летописи (см. примечание на с. 40) г-ном Грушевским попросту отрицается. Но вот беда: известны имена послов князя Олега в 911 г. в Царьград. Из четырнадцати человек только у двоих имена, моющие быть славянскими; остальные, несомненно, норвежцы. Тогда в Киеве было много норманнов. Олег их и послал — таков смысл наивного объяснения г-на Грушевского. Но как мог бы князь не скандинавец отправить в Византию послами сплошь скандинавцев? И чем объяснить скандинавские имена первых Рюриковичей: Рюрика (Hrorekr), Синеуса (Signiutr). Трувора (Thorvardtr). Ольги (Helga), Игоря (Ingvarr) и Олега (Helgi), сказание о смерти которого от укуса змеи имеется и в русской летописи, и в норвежской саге? «Историк не имеет права... строить историю, не обращая никакого внимания на свидетельство летописца». — говорит Соловьев, как бы предвидя появление историков украинофильского типа.*

2. *Договор о мире Новгорода с немцами (1188 или 1195 г.) противопоставляет немцев «руси» и говорит о «русских» городах.*

3. *Великое княжество Литовское состояло на две трети из русских западных княжеств: русские в нем главенствовали, семья литовских князей обрусела, официальным языком был русский; всем этим объясняется и титул.*

4. *От слова «Россия» есть редкое прилагательное «российский»; оно применяется ныне в официальном торжественном языке и применялось в литературе в напыщенном слого XVIII в.; впервые оно значится в памятниках. если не ошибаюсь, в грамоте на избрание первого царя из Дома Романовых (1613 г.). При применении к современной России в слово **Русь** слагается чувство (любви, скорби... для русского издания прибавим: или стыда): в слове **российский** слышится империалистическая идея; слово*

Россия

— как бы спокойное, деловитое наименование. Останавливаюсь на этих подробностях, ибо украинофильская пропаганда старается играть на этом разнообразии названий, уверяя иностранцев, будто

Русь и русский

относятся к Киеву, а

Россия и российский

— к Москве и Петербургу.

5. От слова «Москва» есть одно производное существительное — «москвич», обозначающее жителя Москвы и лишенное всякой политической окраски (ср.: «Frascatano»). «Moscovito» звучит теперь для русского уха слегка презрительно, так же, как и польское «москаль».

6. Paolo Gioiо пишет в 1525 г.: «Название этого народа **МОСКОВИТАМИ** стало известно только недавно».

7. В западных летописях имеется известие, что к императору Оттону V приходили «Legati Helenaе (христианское имя Ольги) reginae russorum» (X в.). Грамота папы Григория VII в 1075 г. называет Изяслава (сына Ярослава I) «Rex Ruscorum»: другая его грамота того же времени увещевает короля Польского возвратить Изяславу, «Regi Ruscorum», отнятые у него земли. («Ruscomm» правильнее, чем «russorum»; можно предположить, что эта правильная форма — следствие пребывания в Риме одного из сыновей Изяслава, предлагавшего свои земли в лен римскому папе; очевидно, на вопрос, как называется его народ, князь ответил так же, как ответили бы мы сегодня: «Мы russkie» — откуда родительный «russsorum».)

Piано Carpiни (XIII

в

.)

пишет

о

«Kiovia, quae est Metropolis Russiae».

Грамотой от 1246 г. папа Иннокентий IV принимает Даниила Галицкого, Regem Russie, под свое покровительство; в первом томе документов, собранных А. Тургеневым в Ватиканском архиве (Historica Russiae Monumenta. 1841), можно найти свыше десяти грамот Даниилу Галицкому, все со словом «Russia». Сохранилась грамота галицкого князя Юрия II (1335 г.), где он называет себя «Dei gratia natus dux totius Russiae Minoris».

8. *Historica Russiae Monumenta*. 1, документ СХІХ.

9. *Ibid.*, документы LXXIX и ХС.

10. Сохранилась печать Юрия, князя галицко-волынського (умер стариком не позднее 1316 г.); на ней надписи: «S. (то есть печать) Domini Georgi Regis Russie» и «S. Domini Georgi Dux Ladimerie» (*Ladirneria* — земля города Владимира-Волинського, то есть Воынь). Юрий II пользовался печатью своего деда, и это не было анахронизмом: правивший после него до 1349 г. Галицкой землей боярин Димитрий именовался «*Provisor sou capitaneus terre Russie*»; Владислав Опольский, последнее лицо, княжившее, хотя и не самостоятельно, в Галиции (1372—1376), имел печать с надписью: «*Ladislau D. Gratia Dux Opolient... et terre Russie domin e heres*». Таким образом, мы имеем свидетельства почти за целый век, что Галиция называлась Россией; она называлась так не только при князе польского происхождения (отец Юрия II был из князей мазовецких), но и тогда, когда находилась уже совершенно под польским владычеством. Это лишь косвенно относится к нашей теме, но ввиду польских претензий на Галицию не лишено злободневного интереса.

11. Ударение, очевидно, должно быть на «а», ибо по-русски говорится «Украйна», «окрай на», «украинный», «окраинный».

5. Разорение Киева князем суздальским(1) в 1169 году

Утверждая, будто Киевская земля в первые века русской истории составляла самостоятельное государство Украину, или Рутению, украинофильская партия

вынуждена замалчивать общность жизни этой земли до конца XIII в. с остальными частями России. Задача не из легких, но и она разрешается «просто». Над народной жизнью производится та же операция, что была произведена над родословной Рюриковичей. «История» г-на Грушевского как бы отсекает весь север России от юга; он сгущает в своей книге все краски местной южной жизни (в Киевщине, на Волыни и в Галиции), о севере же говорит лишь за время первых киевских великих князей (когда в Новгороде сидели их сыновья или братья); затем север как бы исчезает с исторического горизонта, и лишь борьба суздальского князя в середине XII века за обладание киевским престолом вновь заставляет автора вспомнить о севере, для того чтобы выставить его в качестве враждебной югу силы. В руках украинофильской пропаганды взятие Киева князем Андреем Суздальским (1169 г.) есть важный козырь, долженствующий в глазах иностранцев свидетельствовать о том, что позднейшее главенство севера (Москвы и Петрограда) было владычеством иноземным. Мало сведущее в русской истории и жизни иностранное общественное мнение готово принять подобное утверждение на веру. Изложим общепризнанный в исторической литературе взгляд на киевский период нашей истории и остановимся на частном эпизоде похода 1169 г.

В Киеве был узел русской государственной жизни, но создавалась она не только из этого центра. Она родилась не от меча; ее породил великий торговый водный путь от Финского залива до Черного моря; близ одного его конца стоял Киев, близ другого — Новгород. Через Новгород пришла от норманнов правительственная власть(2), через Киев пришло от греков христианство. В Новгороде была та же народность: и север и юг творили общее дело. Новгород укреплялся все тверже на финских берегах и расселялся на восток по всему крайнему северу России в сторону Урала(3) и на юго-восток в ростово-суздальские земли, в земли будущего Московского великого княжества. Киев отбивался на востоке от степных хищников, старался пробиться на юге к Царьграду, распространяются в Галицию и на северо-восток, в сторону той же будущей Москвы. На всем пространстве расселения один язык — русский, тот же самый и в новгородской, и в киевской летописи, в новгородских и в киевских былинах; по всей земле одна и та же княжеская семья. Это было наполовину бессознательное общее творчество единой народности по лицу обширной Русской равнины; могучие реки были путями ее расселения, дремучие леса, болота и большие расстояния — ее дрыгнем. Сводить весь процесс к работе одного киевского центра может лишь партийная узость.

Единство народности, общность народной жизни, очевидно, не исключали отличий в местной жизни и зарождения на обширной территории расселения местных центров. Когда Киев ослабел под напором степных врагов, узел государственных сил (с конца XII в.) как бы ищет, в котором из местных центров ему утвердиться. Одно время (в XII—XIII вв.) казалось: средоточие русской жизни установится в Галиче — но рост Польши и Литвы положил предел существованию этого княжества. В XII веке великое княжение над Русью проходит через Суздаль, Владимир и наконец в начале XIV в. затвердевает в Москве. Так решила история, но, за кем бы гегемония ни осталась — за Галичем или за

Москвой, — все равно Киев под иноземным господством не оказался бы, ибо и тот и другой центр не был внешней по отношению к Киеву силой, они были до известной степени его же порождением. В XII в. настал час, и дети переросли свою мать; но они были детьми ее и никогда этого не забывали, хотя и обращались с ней иной раз неласково. Внешней силой по отношению к Киевской Руси была не Москва, а татары и Польша.

Если родственно было население приднепровской земли (Киев) и земель бассейна Оки (Суздаль), то еще более сродни были носители власти в этих частях России. «Князь суздальский взял и разорил Киев». При чтении такой фразы западному европейцу представляется борьба двух владетельных домов различного происхождения, традиций и задач, связанных с определенной территорией. Но картина борьбы феодальной эпохи не приложима к борьбе древних русских князей. В России было одно своеобразное явление: она не знала иных князей, кроме членов семьи Рюрика(4). Эта семья была коллективной носителем верховной власти(5), великий князь был лишь *primus inter pares*; им в принципе должен был быть старший в роде, но понятие старшинства юридически установлено не было. Кто старше — племянник или дядя? сын старшего брата, умершего, не побывав великим князем, или сын младшего брата, сидевшего на киевском престоле? Десятки подобных вопросов решались практически. Историки тщетно пытались установить в точности систему, коей руководились Рюриковичи, жизнь была сложнее всякой системы. Но одно несомненно: когда на киевский престол вступает новый князь, следующие за ним по старшинству князья тоже перемещались с менее важных городов на более видные, и последним юридическим доводом к добыванию киевского престола был меч. Отсюда два следствия: постоянные междоусобия князей для овладения Киевом и, так сказать, перекочевывание князей из княжества в княжество, что, в свою очередь, в киевский период нашей истории почти исключало возможность образования в Рюриковой семье местных княжеских линий. И действительно, такие линии образовались лишь в XIII в.(6)

Итак, междоусобная брань за обладание Киевом есть обычное явление в семье Рюриковичей XI-XIII вв., и поход князя на Киев вовсе не свидетельствует о политической вражде его или населения его княжества к княжеству Киевскому. Эти общие положения помогут нам отнестись к случаю князя Андрея Суздальского с должной объективностью.

Князь Андрей был не только Рюрикович, но принадлежал к ветви, пользовавшейся к Киеву особой популярностью: он был внуком великого князя киевского Владимира Мономаха. Отец князя Андрея, князь Юрий I (1090-1157 гг.), сын Мономаха, получил в удел Ростово-Суздальскую землю. Молодость Юрия прошла на юге, и все его симпатии принадлежали Киевской Руси; «мать городов русских» сохраняла для него все свое

очарование и притягательную силу; добыть себе киевский стол было его мечтой; он осуществят ее победой над соперником и княжил в Киеве с 1149 по 1151 гг. и с 1154 г. до смерти. Правда, князь Андрей (1111-1174 гг.) до 38-летнего возраста не бывал на юге и не любил его; его самовластный нрав чувствовал себя свободнее на севере, где и он, и отец много поработали над тем, чтобы освободиться от влияния городских «лучших людей». По смерти отца, считая себя старше другого претендента, Мстислава, он послал на юг суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих южных князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев. Андрей стал фактически великим князем всея Руси, но продолжал жить на севере, во Владимире(7).

Сам по себе факт взятия Киева войсками Андрея Суздальского никакого повода для обвинения севера во враждебных стремлениях по отношению к югу не давал бы. Мы видели, что достаточно бывало личного честолюбия или уверенности в своем праве на киевский стол, и князь пользовался для овладения им всеми средствами, прежде всего своей дружиной; бывало и хуже: соперник Андреева отца, южный князь Изяслав, для той же цели не постеснялся заключить договор с королями Венгерским и Польским (1149 г.). Но во взятии Киева в 1169 г. есть две черты, отличающие названное событие от прежних междоусобиц: это разорение Киева и тот факт, что победитель остался княжить на севере.

Никогда еще не было на Руси такого горя, говорит историк, чтобы свои же разорили Киев. Разорение могло быть случайностью, порожденной пылом боя(8), но могло быть и преднамеренным политическим актом. Пребывание Андрея во Владимире и разорение Киева (если оно было преднамеренно) свидетельствуют о пренебрежении Андрея к Киеву. Мы уже знаем, что пренебрежение это не было наследственным; оно — проявление его личных свойств; возможно, что, сверх того, оно явилось следствием новой политической обстановки. Необузданное властолюбие князя Андрея не знало предела; недаром оно заслужило ему в летописи название «самовластца» и привело к трагической смерти. Но он был в то же время человеком «новых понятий»: во внутренней политике его, в упорном стремлении стать независимым от влияния старой городской знати можно угадывать зарождение нового понимания княжеской власти, первые отдаленные намеки на то единодержавие, которое установилось в Москве через двести с лишком лет. Он действовал в новой обстановке: в его эпоху уже начался отлив населения с берегов среднего Днепра на северо-восток(9), и в связи с этим переселением политический центр тяжести уже начал передвигаться из Киева в суздальские земли. Можно пойти далеко в предположениях о политических целях князя Андрея, можно спросить себя, не было ли отношение его к Киеву вызвано смутным сознанием, что роль юга сыграна, — но одного нельзя: нельзя утверждать, будто его действия подсказаны племенной рознью севера и юга. Сам князь был родом киевлянин: отец, дед, прадед и дальнейшие прямые предки его, всего на протяжении семи поколений, были великими князьями киевскими, а явления, породившие разветвление единой народности на великороссов и малороссов, как увидим ниже, только еще

народились и не могли еще в его эпоху дать результатов; они сказались целым веком позднее.

Русская история знает другие случаи вооруженной борьбы между созревающей центральной государственной силой и местными центрами. Тот же Андрей Суздальский вел войну с Новгородом. Москва навязала свое господство княжеству Тверскому и Новгороду продолжительными войнами. Борьба с последним длилась два века и полна кровавых эпизодов(10). Но еще никому не приходило в голову отрицать из-за этого одноплеменность населения Новгорода и Москвы; напротив, каждый скажет, что борьба Москвы с Тверью и с Новгородом привела к объединению великорусского племени.

Оставило ли разорение Киева по себе тяжелую память в народе в смысле враждебного отношения южан к северянам? Летописец описывает это событие трогательными словами, но на племенную вражду в его рассказе намек нет. Не найти такого намека и в киевских былинах.

Существует в русской героической литературе прекрасная песня «о полку Игореве», сложенная, вероятно, в XIII в. Это наша «Песнь о Роланде». Она говорит о походе северского князя Игоря(11) с братией в 1185 г. в задонские степи против половцев. Завели князей юная отвага и первый успешный бой чересчур далеко. «Пришли половцы от Дона и от моря, со всех сторон обступили русские полки». Была битва жестокая: «Черная земля под копытами копытами засеяна и полита кровью — взошла же печалью по Русской земле». И полегли «храбрые русачи за землю Русскую». Горе было великое: «Никнет трава от жалости, и дерево с печалью к земле приклонилось». Плачет Ярославна, жена Игорева, глядя в далекую степь с городской стены: «Зачем же, ветер, мое веселье ты по ковылю развеял!» Тогда великий князь киевский Святослав «изронил золотое слово, орошенное слезами», и стал звать всю родню-князей «вступиться за обиду, за землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича». Зовет он Ярослава галицкого, Рюрика и Давида смоленских, зовет Романа и Мстислава волынских и князя Всеволода зовет. «Великий князь Всеволод, — говорит он последнему, — прилететь бы тебе издалека, чтобы отцовский золотой престол поблюсти. Ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Дон вычерпать шеломами...»

Кто этот князь, которого зовут на помощь из Киева, поэтически преувеличивая его могущество? Это Всеволод III Большое Гнездо (т 1212), брат того самого Андрея, который разорил Киев, властный продолжатель политики своего брата по усилению северного центра Руси. И кто этот неизвестный даровитый певец, зовущий северского князя? Он южанин, дружинник великого князя черниговского. Он скорбит душой из-за

княжеских раздоров, «в которых век людей коротался», но упрека в племенной розни он не произносит: владимирский князь — князь Суздальской земли — ему так же близок, как князь галицкий или волынский. Слагал же он свою песню, где сплетаются слава и скорбь родины, уже в XIII веке, когда политическое отчуждение севера и юга, конечно, должно было сказаться сильнее, чем в эпоху князя Андрея.

Не было в XII веке племенного различия, не могло быть и племенной розни. Скажем тут же, что когда это различие создано, оно распри не породит: до времени германо-большевиков между великороссами и малороссами ни войн, ни вражды никогда не бывало). Бывали ошибки со стороны московского и петербургского правительств, было во второй половине XVII века и при Мазепе тяготение части казачьей старшины к Польше ради сословных выгод, но в самом народе до вчерашнего дня ни малейшего намека на недружелюбие не существовало. Обе ветви едва отдавали себе отчет, что есть между ними различие. Да и в наши дни движение к «самостийности» вышло отнюдь не из глубин народных: потребовался искусный вражеский удар извне, чтобы вогнать клин в почти незаметную щель между двумя частями единого народа и чтобы разорвать его по живому месту руками большевиков, мелких честолюбцев и несчастной обманутой и одурманенной черни.

1. Город Суздаль лежит в 200 километрах к северо-востоку от Москвы (см. примечание на с. 32).

2. Как сказано выше, украинофильцы отрицают факт призвания князей-варягов. Соловьев, подробно разобрав известия летописца о призвании варягов, обстоятельно доказал, что известия эти этнографически, географически и психологически правдоподобны и что они к тому же подтверждаются свидетельствами иностранными. Через три года по смерти Рюрика (то есть, если верить хронологии летописца, в 872 г.) его преемник Олег, собрав войско из варягов и всех подвластных ему племен, двинулся по обычному варяжскому водному пути на юг; он подчиняет себе попутные племена и овладевает Смоленском, Любечем и Киевом. «Это обстоятельство (движение с объединенными северными силами на юг) есть самое важное в нашей начальной истории», — говорит Соловьев. Для г-на Грушевского его не существует, а по последним

известиям итальянских газет, Новгород был украинской колонией!

3. В XII в. владения Новгорода доходили уже до Вятки; тогда же Новгород собирает дань на северных берегах Белого моря.

4. Только в Русско-Литовском государстве была другая династия (Гедимина).

5. Вопрос о вече, местами разделявшем с князем верховную власть, вне нашей темы.

6. Исключение составляет линия, засевшая в далеком Полоцке еще в первой четверти XI в., и линии черниговская и галицкая, установившиеся в XII в.: ростово-суздальская линия определилась с середины XIII в., московская — с конца XIII в.

7. Владимир-на-Клязьме, в отличие от южного Владимира-Волынского, лежит в 20 верстах от Суздаля.

8. Грушевский в «Очерке истории Киевской земли» (Киев, 1891, на русском языке. С. 224) с уверенностью высказывает предположение, что грабеж состоялся потому, что войску было дано на то разрешение. Не слишком ли он высокого мнения о дисциплине в ополчениях XII в.?

9. Об этом переселении подробнее см. в главе шестой.

10. В 1389 г. войско великого князя Василия заняло Новгород: в 1478 г. им овладели войска Иоанна III, отменившего все вольные новгородские учреждения: в 1570 г. Новгород разгромлен Иваном Грозным.

11. Княжество Новгород-Сверское лежало к югу от Черниговского — между ним и

Автор: А. Волконский

23.01.2011 18:39 - Обновлено 23.01.2011 19:08

Переяславским.

[Продолжение следует](#)